

Научная статья

УДК 930'272

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-196-207>

ПОЭТИКА И СТИЛЬ ТРИЛОГИИ ЛЬВА ТОЛСТОГО «ДЕТСТВО», «ОТРОЧЕСТВО», «ЮНОСТЬ» (ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ)

Дмитрий Анатольевич
Романов¹

Дмитрий Сергеевич
Серёгин²

^{1,2} Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого

Тула, Россия

¹ kafrus@rambler.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

² seregynpro@mail.ru

² <https://orcid.org/0009-0002-1670-6983>

Аннотация. В статье исследуется история замысла трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность» в контексте литературного опыта молодого Толстого. Рассматривается идейное содержание, стиль и отдельные поэтические приемы, создавшие оригинальный и неповторимый художественный результат. Биографическая трилогия является средоточием творческих исканий Льва Толстого середины и второй половины 1850-х гг. В процессе ее написания Толстой впервые развернуто и в новой литературной технике «диалектики души» оформил свои размышления о важнейших духовных началах человеческого существования, о смысле жизни, об эволюции личности.

В работе рассматриваются литературные источники, которые вдохновляли писателя при создании его первых крупных эпических произведений. Содержательная близость текстов молодого Толстого к произведениям классиков сентиментализма выражается в стремлении показать жизнь такой, какая она есть, во всей ее «прозаической поэтичности», ставя такой принцип в противовес романтическим условностям, популярным в литературе первой трети XIX века. Синтез идейных и художественных концепций Л. Стерна, Р. Тёpfера, Ж.-Ж. Руссо и Н. М. Карамзина формирует абсолютно уникальную стилистику толстовской трилогии.

«Детство», «Отрочество», «Юность» являются не только автобиографическими произведениями, но и представляют собой своеобразный творческий синтез влияний классиков позднего Просвещения и сентиментализма, заключающийся в переосмыслении их идей, художественных подходов к воплощению действительности, поэтики. Моральная концепция Толстого уже в ранние годы базируется на приоритете духовного начала. Писатель безоговорочно признаёт ценность и важность самого человеческого бытия как такового. Детство, по мнению Льва Толстого, является этапом духовного пробуждения и источником нравственной чистоты, которая должна сопровождать человека на протяжении всей жизни. Этим обусловлена свободная композиция одноименной повести, отбор языковых и лингвистических средств воплощения сознания главного героя.

Толстовская трилогия обогащена оригинальной нарративной схемой, в которой каждый эпизод представлен с двойной точки зрения – маленькой Николеньки Иртеньева и уже зрелого рассказчика. Первый фиксирует непосредственные впечатления от события, тогда как второй, глядя из хронологического и психовозрастного отдаления, осмысливает, как оно повлияло на становление личности героя в дальнейшем.

Ключевые слова: лингвостилистика, лингвопоэтика, текст, жанр, идиостиль, психологизм, композиция, трилогия, сентиментализм.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 25-28-20226 «Контексты биографической трилогии Л. Н. Толстого: XXI век».

Для цитирования: Романов Д. А., Серёгин Д. С. Поэтика и стиль трилогии льва толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» (литературный контекст) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 196–207. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-196-207>

Сведения об авторах: Д. А. Романов – доктор филологических наук, профессор, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125; Д. С. Серёгин – аспирант кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

© Романов Д. А., Серёгин Д. С., 2025

Scientific Article

UDC 930'272

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-196-207>

THE POETICS AND STYLE OF LEO TOLSTOY'S TRILOGY *CHILDHOOD, BOYHOOD, YOUTH (LITERARY CONTEXT)*

Dmitry A. Romanov ¹

Dmitry S. Seregin ²

^{1, 2} Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tula, Russia

¹ kafrus@rambler.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

² seregynpro@mail.ru

² <https://orcid.org/0009-0002-1670-6983>

Abstract. The article examines the history of the trilogy *Childhood, Boyhood, Youth* idea in the context of young Tolstoy's literary experience. The article considers the ideological content, style and individual poetic techniques that have created an original and inimitable artistic result. The biographical trilogy is the focus of Leo Tolstoy's creative pursuits in the middle and second half of the 1850s. In the process of writing it, Tolstoy for the first time developed and formulated his reflections on the most important spiritual principles of human existence, on the meaning of life, and on the evolution of personality in the new literary technique of soul dialectics. The paper examines the literary sources that inspired the writer when creating his first major epic works. The texts of the young Tolstoy are meaningfully close to the works of the sentimental, showing life as it is, in all its prosaic poetry as opposed to the romantic conventions popular in the literature of the first third of the 19th century. Synthesis of ideological and artistic concepts by L. Sterne, R. Toepffer, J.-J. Rousseau and N. M. Karamzin form an absolutely unique style of Tolstoy's trilogy. *Childhood, Boyhood, Youth* is not only autobiographical work, but also a kind of creative synthesis of the influences of the late Enlightenment classics and sentimentalism, consisting in rethinking their ideas, artistic approaches to the embodiment of reality, and poetics. Already in the early years, the priority of the spiritual principle was the basis of Tolstoy's moral concept. The writer unconditionally recognizes the value and importance of human existence itself. Childhood, according to Leo Tolstoy, is a stage of spiritual awakening and a source of moral purity that should accompany a person throughout life. This determines the novel of the same name free composition, the selection of linguistic and stylistic means of embodying the protagonist's consciousness. Tolstoy's trilogy has an original narrative scheme: the reader sees each episode both from the point of view of little Nikolenka Irtenyev and the already mature narrator. In the first age period, the character captures the immediate impressions of the event, while the second one, with hindsight he comprehends how it influenced the formation of his personality.

Keywords: linguistics, linguopoetics, text, genre, individual style, psychologism, composition, trilogy, sentimentalism.

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation Grant No. 25-28-20226 "Contexts of the biographical trilogy of L. N. Tolstoy: the 21st century".

For citation: Romanov, DA & Seregin, DS 2025, 'The Poetics and Style of Leo Tolstoy's Trilogy *Childhood, Boyhood, Youth (Literary Context)*', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (23), pp. 196–207, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-196-207> (in Russ.)

Information about the Authors: Dmitry A. Romanov – Doctor of Science (Philology), Professor, Head of the Center for the Russian Language and Regional Linguistic Studies, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia;

Dmitry S. Seregin – Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Замысел романа «Четыре эпохи развития» (первоначальное рабочее название будущей трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность») являлся, по существу, первым целостным и объемным литературным замыслом Льва Толстого, о чём писали уже не раз (см., например: [2], [3, с. 17–20], [6, с. 25–26]). Возникнув летом 1851 года на Кавказе, он заслонил собою известные по дневниковым заметкам сюжеты и планы («Повести из цыганского быта», «Жизнь Т. А.») и стал средоточием идейных и творческих исканий молодого Толстого [8, с. 56].

В тишине и уединённости кавказской казачьей станицы свободный от рутинных обязанностей службы и светских тягот, Лев Толстой упорно и много думал о своей богатой событиями, хотя и не слишком протяженной жизни (23 года) [15, с. 34].

Незабытые детские поэтические впечатления и вопросы этой жизни, с которыми столкнулся он в юности, наполнили его труд особенным смыслом. «Зачем писал я их? Я вам верного отчёта дать не могу, – говорил Толстой на первой странице «Четырех эпох развития». – Приятно мне было набросать картины, которые так поэтически рисуют воспоминания детства. Интересно было мне просмотреть своё развитие, главное же, хотелось мне найти в отпечатке своей жизни одно какое-нибудь начало – стремление, которое бы руководило меня...» [13, т. 1, с. 103].

Необыкновенно глубоко и точно очерчена здесь всегдашая задача Льва Толстого: поиски корней и начал человеческого бытия, создание отпечатка жизни.

Однако мало кто задумывается о том, какие литературные источники вдохновляли молодого Толстого при создании его автобиографических произведений. Следуя подробному дневнику, который Лев Толстой начал вести с 19 лет, мы можем проследить цепочку внешних и внутренних событий, масштабных влияний идей, выдающихся личностей, книг, сформировавших его мировоззрение и художественный метод. [5, с. 172–173].

Результаты

Решающее значение в определении стиля трилогии имело «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Лоренса Стерна (1768 г.). Толстой был буквально очарован этим произведением, восхищаясь не только его содержанием, но и манерой повествования [3, с. 258]. Именно Стерн подарил молодому писателю идею отказа от сквозного, линейного сюжета в пользу множества небольших, самодостаточных зарисовок, словно подсмотренных «из окна» повседневной жизни [1, с. 47]. Толстой, прочитав изданную «Современником» первую повесть своей трилогии, названную Некрасовым-редактором «История моего детства», весьма точно, но чрезмерно самокритично заметил: «Для того, чтобы не повторяться в описании детства, я перечел мое писание под этим заглавием и пожалел о том, что написал это: так это нехорошо, литературно, неискренно написано. Оно и не могло быть иначе: во-первых, потому, что замысел мой был описать историю не своего, а моих приятелей детства. И оттого вышло нескладное смешение событий их и моего детства, а во-вторых, потому, что во время писания этого я был далеко не самостоятелен в формах выражения, а находился под влиянием сильно подействовавших на меня тогда двух писателей Stern'a (его «Sentimental journaeu») и Töpfer'a («Bibliothéque de mon oncle»)» [13, т. 34, с. 348].

Стерн вдохновлял Толстого и своими идеями, и новаторской литературной формой их представления. Писатель не раз использовал буквальные и аллюзивные цитаты из Стерна в своих художественных произведениях разных периодов творчества: высокая оценка молодости оказалась прочной и долговечной. Так, в повести «Детство» Лев Николаевич неоднократно обращался к идеям, сходным с теми, которыми наполнено «Сентиментальное путешествие».

Во второй редакции «Отрочества» Толстой начал главу «Девичья» эпиграфом из «Сентиментального путешествия»: «If nature has so vowed her web of kindness that some threads of love and desire are entangled in one piece; must the all piece be rent out in drawing them out» [13, т. 2, с. 366] («Если природа так тесно переплела нити любви и желания, что их невозможно разделить, нужно ли рвать все полотно, чтобы отделить их друг от друга»).

Еще один яркий пример – сущность размышлений и исканий Пьера Безухова, напряженно думавшего после очередного неудавшегося жизненного начинания: «...А вдруг ничего нет за этой жизнью? Что значит моя жизнь? Зачем я живу? Чего хочу достигнуть?...» [13, т. 11, с. 347] – и вновь принимавшегося за поиски. Это вполне в духе знаменитой мысли Стерна из его великой книги «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1767 г.): «What a large volume of adventures may be grasped within this little span of life by him who interests his heart in everything!» [10, 134] («Сколько можно успеть за эту короткую жизнь, если быть открытым новому и всем интересоваться»). В целом жизненную линию Пьера в «Войне и мире» нередко сравнивают с судьбой Уинстона Джайлза из «Тристрама Шенди», – это два сходных пути в первую очередь духовного поиска.

В романе «Воскресение», в поздних повестях и рассказах Толстого герои приходят к идеи о божественном промысле, который их ведет по жизни, о предначертанности мыслей и поступков божьей волей. Эта идея близка утверждению Стерна, высказанному в одном из писем Тристрама Шенди: «I am no lover of my own ideas – they are not mine, but God's» [10, с. 473] («Я не слишком большой любитель своих идей, но в общем все они от Бога»). Таким образом, литературное влияние Стерна ощущается во многих текстах Толстого и просвечивает в образах различных героев, созданных писателем.

Влияние Стерна на молодого Толстого было настолько сильным, что он в 1850-е гг. даже начал переводить «Сентиментальное путешествие», однако не завершил работу, решив воплотить обретенные у Стерна идеи, художественные принципы и стилистические решения в собственном творчестве. Под влиянием Стерна были написаны самые ранние произведения Толстого, такие как «История вчерашнего дня» и наброски цикла «Четыре эпохи развития» [6, с. 72].

В связи со сказанным нужно упомянуть, что первые переводы произведений Стерна на русский язык появились в 70-е гг. XVIII в. В 1801 г. в Москве вышла книга Петра Чичагова «Нравоучительные речи и некоторые нравственные мнения г. Стерна...». Эту работу, содержащую извлечения из произведений английского писателя, переводчик посвятил «Его Высокопревосходительству Гавриилу Романовичу Державину». Н. М. Карамзин также осуществил перевод фрагментов из романов «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» и «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии». Это стало важным этапом знакомства русской публики с западной литературой сентименталистской направленности и способствовало формированию интереса к новым жанрам и стилям письма, характерным для европейской художественной традиции рубежа XVIII–XIX столетий.

Толстой был хорошо знаком с творчеством Карамзина и его переводами, включая знаменитый перевод фрагментов из «Сентиментального путешествия». Но погружение Толстого в стерновские мысли, образы и стилистику произошло не столько через их русские переводы и даже не столько благодаря английским первоисточникам, которые Толстой мог свободно достать и прочитать, сколько через общую атмосферу русской литературы конца 40-х гг. XIX в., в которой было весьма заметно влияние европейского сентиментализма. Многие русские повести и романы, предшествовавшие «Детству», уже были насыщены глубокими внутренними переживаниями, эмоциями и подробным описанием впечатлений героев. Этико-

психологическое направление, созданное Карамзиным, Жуковским и их последователями по западным образцам, хотя и переживало период заката, но было еще достаточно сильно [5, с. 171–187].

В дневниковых записях Толстого (особенно начала 1850-х гг., но также и гораздо позднее: например, 1909 г.) мы найдем многочисленные упоминания Стерна. Толстой не только с восхищением читает его произведения, но и выписывает поразившие его чем-то места: иногда в подлиннике, иногда во французском переводе. По нашим подсчетам, в дневниках 1850–1851 гг. содержится четыре обширные цитаты Стерна: [13, т. 46, с. 78–79, 82, 110, 487]. Толстой, в частности, приводит такие слова английского писателя: «*La conversation est un trafic; et si l'on l'entreprend sans fonds, la balance penche et le commerce tombe*» [13, т. 46, с. 487] («Разговор есть торговая сделка, и если предпринять его без достаточного основного капитала, то баланс не сходится и торговое дело рушится»). А в дневнике 1909 г. он пишет про «огромный талант рассказывать и умно болтать» своего «любимого писателя Стерна» [13, т. 57, с. 194].

В ранних сочинениях Толстого влияние Стерна проявляется во внешних приемах, таких как свобода, даже некоторая «хаотичность» композиции, усложненный синтаксис, отступления и разговоры с читателем. Однако более важна содержательная близость молодого Толстого к Стерну, выражаяющаяся в стремлении показать жизнь как она есть, во всей ее «прозаической поэтичности» (в противовес романтическим условностям, популярным в литературе первой трети XIX в.). Позднее Толстой освобождается от непосредственного стилистического влияния Стерна и приходит к собственным художественным принципам.

Своебразное «калейдоскопическое» повествование стало особой оппозиционной чертой биографической трилогии Толстого, придав ей неповторимый художественный колорит и глубокую правдивость. Схожий подход к повествованию Толстой нашел в книге Рудольфа Тёпфера «Библиотека моего дяди» (1832 г.). Текст первого перевода этого произведения на русский язык был опубликован в журнале «Отечественные записки» (№ 11–12 за 1848 год). Перевод был сделан анонимным автором не с оригинального немецкого текста, а с французского («*La bibliothèque de mon oncle*»), как это часто бывало в то время, и имел большой успех, чего не мог не знать Толстой. Он, очевидно, был хорошо знаком не только с женевским оригиналом романа Тёпфера и его французским аналогом, но и с обретшим популярность в конце 1840-х гг. русским переводом.

Подход Тёпфера к литературному изложению событий укрепил решение Толстого отказаться от сложных сюжетных построений в пользу детального, задушевного описания жизни, наполненного деталями, которые создают ощущение доверительной беседы с читателем. Такая особенность организации повествования показывает, как в обыденных, незначительных, на первый взгляд, бытовых «сценках», можно воплотить глубокий смысл и с их помощью создать атмосферу человеческого единения и взаимопонимания.

Интерес к творчеству Тёпфера (в первую очередь ученого и педагога, а затем уже писателя) обусловлен принципиальной антиромантической позицией Толстого, проявившейся еще до начала работы над «Детством». Толстого привлекли стилистические и интонационные особенности «Библиотеки моего дяди», произведения, дистанцирующегося от романтизма и стремящегося к стилистике сентиментализма конца XVIII в. Это выражалось в упрощении стиля, естественности тона, отсутствии аффектации и лиричности повествования от лица наивного, но чувствительного человека. Вот образец тёпферовского стиля: «Увы! Я давно уже вернулся на землю и шагаю по дороге жизни под строгим надзором здравого смысла и холодного рас- судка; но никто из этих непреклонных наставников не подарил мне ни одного мгно-

вения, которое можно было бы сравнить с восхитительными волнениями прошлого. Зачем они так быстротечны, зачем нельзя их вернуть?» [11, с. 104].

В «Детстве» имеется не один сходный по языковому оформлению фрагмент. Например: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений. Неужели жизнь оставила такие тяжёлые следы в моём сердце, что навеки отошли от меня слёзы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминания?» [12, с. 70].

Выбор жанра также имел значение для Толстого, поскольку определял композицию, тип главного действующего лица, систему персонажей, характер сюжета и тематику произведения. «Библиотека моего дяди» представляет собой трилогию, охватывающую отрочество, юность и молодость героя. Это характерно (с незначительными временными сдвигами) и для биографической трилогии Толстого. Душевные терзания и переживания, тонкости внутреннего мира ребенка интересовали Тёпфера и Толстого в первую очередь. Мы уже упоминали, что в журнале «Современник» (№ 9, 1852 г.) первая часть трилогии Толстого была опубликована с измененным названием – «История моего детства». Это глубоко возмутило автора, ведь отредактированное название полностью противоречило его замыслу. Толстой хотел привлечь внимание читателя не к истории своего детства, а к становлению личности, взрослению человека вообще. Желание показать все мельчайшие душевые переживания ребенка в процессе взросления было первостепенным для Льва Николаевича, в чем он, несомненно, сначала шел за Тёпфером, но затем поднялся на почти недосягаемую высоту (его «диалектика души» открыла новый этап развития мировой литературы).

Однако, пожалуй, самое значительное влияние на формирование мировоззрения и художественного метода Толстого в биографической трилогии оказала «Исповедь» Жан-Жака Руссо (1770 г.). Эта книга на долгие годы стала для него настольной, заставляя задумываться о нравственном развитии личности, рациональном осмыслении собственного жизненного опыта, этических и эстетических принципах [7, с. 45–46]. «Исповедь» наложила отпечаток на глубокую психологическую проработку образов, на поиски истины, которые пронизывают все части трилогии Толстого.

На Кавказе в 1852 году, когда будущий классик трудился над своей первой крупной повестью «Детство», имя французского философа и писателя становится едва ли не постоянным спутником его творческого процесса. Это не просто мимолетное увлечение: дневниковые записи Толстого наглядно демонстрируют глубину и значимость этого влияния. Фраза «Писал «Детство», читал Руссо» – лаконичная, но красноречивая – раскрывает перед нами картину творческого процесса писателя (цитата из дневника Л. Н. Толстого 1852 года, периода работы над «Детством» [13, т. 46, с. 127]).

«Исповедь» Руссо действительно была важным источником вдохновения для Толстого в годы формирования его творческого метода. Толстой заимствовал у Руссо приемы подробного изучения психологии персонажа, предельного внимания к внутренним конфликтам, эмоциям и мотивам поступков героев. Как и у Руссо, центральное место в повести «Детство» занимает представление сознания главного героя Николеньки Иртеньева, детальное описание его переживаний, размышлений и сомнений. Ключевое сходство между двумя авторами заключается в стремлении показать внутренний мир героя с максимальной достоверностью и психологической глубиной. Сам Толстой говорил о влиянии Руссо следующим образом: «Вся моя любовь к литературе началась с чтения Руссо. Я почувствовал, что литература должна говорить правду, показывать душу человека» [13, т. 1, с. 221].

Толстой берет на вооружение психологический анализ, широко используемый Руссо. Метод рефлексии активно применяется обоими авторами. Руссо пишет: «*Ma tête s'égarait dans ces rêveries que je goûtais avec délices*» («Моя голова блуждала в мечтах, которыми я наслаждался с восторгом»). И далее признается: «*J'éprouvais à cet instant-là une douce tristesse qui emplissait mon cœur d'une inexprimable langueur*» («В этот момент я испытывал приятную грусть, наполняющую моё сердце невыразимой тягостью») [9, с. 647].

Такой же подход мы видим у Толстого, когда он, например, рассказывает о восприятии Николенькой истории жизни Карла Ивановича: «Чувствуя себя каким-то посторонним человеком в чужой семье, я испытывал странное волнение, вызванное смесью страха и интереса» [12, с. 157].

Осознание важности самых ранних воспоминаний человека в «Исповеди» Руссо и «Детстве» Толстого тоже представлено идентично. Руссо называет их решающими для формирования личности взрослого: «*L'enfance est le moment où notre âme commence à se former, quand nos premières impressions impriment leur marque indélébile sur nous*» («Детство – это момент, когда наша душа начинает формироваться, когда наши первые впечатления оставляют неизгладимые отпечатки на нас» [9, с. 352]).

Примерно так же рассуждает и Толстой, представляя воспоминания героя о давно умершей матери, которые сопровождали его всю жизнь: «Я любил свою мать и нежно чувствовал эту любовь. Мне казалось, что я ясно вижу черты её лица, слышу её голос, вижу её глаза... Эти представления долго оставались неизменными...» [12, с. 56].

Вечные вопросы о цели жизни и назначение человека становятся предметом размышлений обоих авторов. Вот цитата Руссо: «*Que suis-je au monde? Pourquoi suis-je ici? Quelle est ma place?*» («Кто я в этом мире? Зачем я здесь? Каково мое место?») [9, с. 213]). Аналогичные вопросы возникают и у героя Толстого, пытающегося понять свое место в жизни.

Оба автора осуждали многие привычные для их современников социальные нормы и правила, считавшиеся бесспорными. Руссо критикует систему школьного воспитания: «*Le système scolaire actuel n'est qu'un mécanisme qui tue la spontanéité naturelle de l'enfant*». («Современная школьная система – это механизм, убивающий природную свободу ребёнка») [9, с. 347]).

Такая же мысль звучит и у Толстого, осуждающего жесткие методы педагогов: «Наказания были необходимы, думали наши воспитатели, и поэтому нам доставалось много розог и ремней, но пользы никакой от этого не выходило» [12, с. 36].

Тесная идеальная и стилистическая связь «Исповеди» Руссо и «Детства» Толстого несомненна и может быть проиллюстрирована еще большим количеством конкретных примеров. Однако важно подчеркнуть, что Толстой не просто копирует Руссо. Он значительно трансформирует сам фокус наблюдения великого француза за человеком, за ребенком. Его подход психологически «более глубок и более реалистичен, чем у Руссо» [15, с. 48]. «Детство» отличается тончайшим анализом внутреннего мира героя, свободной, но глубоко продуманной композицией, зрелым пониманием человеческой природы. Наконец, «Детство» – это настоящеэхудожественное произведение, созданное с учетом эстетических законов восприятия литературы, в то время как «Исповедь» является текстом скорее философским, гуманитарно-публицистическим, призванным в первую очередь возбуждать мысль, а не производить художественное впечатление [7, с. 291].

Влияние Руссо на молодого Толстого, особенно во время работы над «Детством», является фактом, подтвержденным самим автором. Это влияние не означает простого подражания, а представляет собой плодотворный диалог с классиком Про-

свещения, результатом которого стало создание одного из самых значительных произведений русской литературы. Изучение этого влияния позволяет нам лучше понять творческий путь Толстого и его художественные принципы.

Обсуждение результатов

Нельзя не отметить заметную преемственность стиля биографической трилогии Толстого по отношению к незавершенному роману Н. М. Карамзина «Рыцарь нашего времени». Основой этой преемственности служит тот же Лоренс Стерн, любимый и Карамзиным, и Толстым. Карамзина, как известно, нередко называли русским Стерном. Таким образом, стилистическая перекличка биографических повествований Стерна, Карамзина и Толстого вполне закономерна. Вместе с тем параллель Карамзин – Толстой нуждается в специальных комментариях.

Николай Карамзин и Лев Толстой – фигуры, разделенные не только хронологической дистанцией (Толстой – писатель середины XIX – начала XX в.; Николай Карамзин – автор конца XVIII – начала XIX в.), но и принципиально разным подходом к изображению мира. В «Рыцаре нашего времени» детство героя показано как отдельный, самодостаточный период. Автор акцентирует внимание на ранних годах Леона, не соотнося их с дальнейшей биографией. Детский мир у Карамзина сознательно обособлен: его хронотопические рамки замкнуты и отделены от внешней реальности. Описывая луг, Волгу, Свиягу и маленькую деревню, автор воспроизводит тесный идиллический локус, лишенный конкретных черт действительности. Отказываясь от детализации, Карамзин сравнивает детство с «прекрасным лужком», заслуживающим лишь краткого представления, а не полного «развертывания». Внезапно обрывающееся повествование не направлено на воплощение реалистической «логической структуры», поскольку читатель не понимает, как детские переживания героя отразятся на его зрелой жизни и произойдет ли это вообще. Карамзин (правда, с большим мастерством и весьма патетически) лишь «выхватывает» отдельный и изолированный, в его изображении, идиллический, лучший период человеческой жизни.

В «Детстве» Толстого имплицитно противопоставлены два типа сознания – детское и взрослое. Это противостояние прослеживается на всех уровнях композиции: отстранённая автонаррация героя, воспринимающего мир иначе, чем взрослый рассказчик, и эпизоды, построенные на конфликте детского и зрелого восприятия событий. Представление о «счастливом детстве» в трилогии Толстого связано с его собственным опытом и глубокими философскими размышлениями о роли детства в судьбе человека в целом. Писатель стремится показать, что детство – это фундаментальная основа дальнейшей жизни, определяющая будущее мировосприятие и отношение к окружающим людям.

Толстой детально раскрывает внутренний мир героев, в то время как Карамзин лишь намечает его, т. е. Толстой развивает и совершенствует художественные открытия Карамзина. Карамзин придерживается традиционной манеры повествования, почти не нарушаемой отступлениями и комментариями, концентрируясь исключительно на самом событии и минимально вмешиваясь в действие комментариями, личными замечаниями.

Толстой сочетает разнообразные способы подачи материала, включая дневниковые записи, обращения к читателю, проспекции и ретроспекции. В его текстах со пряжены, как указано выше, сознание взрослого и сознание ребенка, чего, конечно, не могло быть у Карамзина: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, воззывают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений» [12, с. 53].

Таким образом, различия между Толстым и Карамзиным проявляются в переходе от простого изображения переживаний к глубокому исследованию обществен-

ной жизни и психологии человека. Толстой ввел в литературу более совершенные приемы описания чувств. Он взял на вооружение стремление к достоверности психологического портрета, присущее Карамзину, но развил его до уровня глубокого психологического реализма. Он использует более тонкий инструментарий – внутренний монолог, поток сознания, детализированное описание мелочей, которые в совокупности дают цельное представление о внутреннем мире Николеньки Иртеньева.

В отличие от Карамзина, чье описание детства носит скорее эпизодический характер, Толстой создает полноценную психологическую картину становления личности. Читатель не просто наблюдает за событиями детской жизни, но проживает их вместе с героем, погружаясь в мир его чувств и переживаний. Это достигается благодаря мастерскому владению языком, умению передать тончайшие оттенки эмоций и мыслей, а также благодаря реалистичному изображению окружающей среды.

Истинное мастерство речи Толстого проявляется в скрупулезном и точном воспроизведении нюансов. В тексте автор уделяет внимание мелочам: жуку, ползущему по травянистому стеблю, бабочке на клевере, фырканью коней, тиканью часов, родинке на правой щеке, запаху полыни, конского пота или сала от немытых волос: «От этих интересных наблюдений я был отвлечен бабочкой с желтыми крыльшками, которая чрезвычайно заманчиво вилась передо мною. Как только я обратил на нее внимание, она отлетела от меня шага на два, повисла над почти увядшим белым цветком дикого клевера и села на него. Не знаю, солнышко ли ее пригрело, или она брала сок из этой травки, - только видно было, что ей очень хорошо. Она изредка взмахивала крыльшками и прижималась к цветку, наконец, совсем замерла. Я положил голову на обе руки и с удовольствием смотрел на нее» [12, с. 50].

«Детство» Толстого – это не просто продолжение линии, начатой Карамзиным. Это качественный скачок в развитии психологического реализма в русской литературе. Толстой, взяв за основу инновации Карамзина в области изображения чувств, значительно расширил и углубил эту традицию, стремясь к передаче глубины человеческих чувств и нравственных поисков героев.

Трилогия Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» формирует позитивный взгляд на детство, вызывая симпатию и восхищение простыми радостями жизни. Создавая образ счастливого детства, Толстой призывает читателя задуматься о собственном прошлом и обратить внимание на нужды и потребности современных детей. Толстой убежден, что детство оказывает мощное влияние на дальнейшую судьбу человека. В последовательности такой интерпретации Толстой – безусловный новатор по сравнению со всеми близкими ему литераторами прошлого, о которых говорилось выше.

Рассмотрим, как это отражается в биографической трилогии писателя.

Толстой не просто фиксирует отдельные проявления личности главного героя, а показывает закономерности формирования его мировоззрения: Николенька Иртеньев осознает первые основополагающие понятия в детстве. Толстой пишет: «Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели – невинная веселость и беспредельная потребность любви были единственными побуждениями в жизни?» [4, с. 78]. Именно в детском возрасте формируется понимание добра и зла, гармонии и любви, веры и сострадания как законов мироустройства, что станет основой нравственных поисков Николеньки в будущем.

Процесс взросления, в изображении Толстого, сопровождается испытаниями, которые закаляют характер. Николенька-отрок решает больше никогда не делать ничего дурного и не тратить времени впустую: «...Я решился снова писать правила жизни и твердо был убежден, что я уже никогда не буду делать ничего дурного, ни

одной минуты не проведу праздно и никогда не изменю своим правилам» [12, с. 155]. Эти выводы закладывают в его личность черты, так необходимые любому взрослому человеку.

Ранние переживания, по Толстому, закрепляют у человека четкую шкалу ценностей. Так, эпизоды насмешек над Иленькой не проходят для Николеньки бесследно: «...Я решительно не могу объяснить себе жестокости своего поступка [из-за издевательств над Иленькой Грапом]. Как я не подошёл к нему, не защитил и не утешил его? Куда девалось чувство сострадания, заставлявшее меня, бывало, плакать навзрыд при виде выброшенного из гнезда галчонка или щенка, которого несут, чтобы кинуть за забор, или курицы, которую несёт поваренок для супа? Неужели это прекрасное чувство было заглушено во мне любовью к Сереже и желанием казаться перед ним таким же молодцом, как и он сам? Незавидные же были эти любовь и желание казаться молодцом! Они произвели единственные тёмные пятна на страницах моих детских воспоминаний» [12, с. 92].

Взаимоотношения с разными слоями общества определяют социальные взгляды героя на всю жизнь. Уже взрослым он вспоминает слова Катеньки о имущественном неравенстве и свое осмысление этих слов: «Вы богаты – мы бедны: эти слова и понятия, связанные с ними, показались мне необыкновенно странны. Бедными по моим тогдашим понятиям могли быть только нищие и мужики, и это понятие бедности я никак не мог соединить в своем воображении с грациозной, хорошенькой Катей» [12, с. 249]. Николенька выстраивает свои представления о справедливости и равенстве в детские и отроческие годы.

Заключение

Таким образом, «Детство», «Отрочество», «Юность» – это не просто автобиографические произведения, но и своеобразный синтез влияний классиков Просвещения, сентиментализма, раннего реализма, заключающийся в переосмыслинии их идей (преимущественно этических) и поэтики. Суть моральной концепции Толстого – приоритет духовного начала. По Толстому, чтобы жить достойно, человек с ранних лет обязан «переживать и сопереживать». Высокая поэтическая идея биографической трилогии воплощает безоговорочное признание Толстым ценности и важности человеческого бытия [4, с. 347].

Писатель призывает смотреть на детство как на удивительный этап жизни, когда человек обладает особой чистотой, искренностью и открытостью миру. В детстве человек воспринимает окружающее без предвзятости и с искренним интересом, что делает его особенно чувствительным к духовным аспектам жизни. По мнению Толстого, именно в этом возрасте закладываются основы нравственности и духовных ценностей, которые впоследствии могут быть исажены или утрачены под влиянием социальных условностей.

Толстой считает, что для духовного развития взрослому человеку важно возвращаться к состоянию внутренней простоты и искренности, присущему детству. Взрослый человек должен искать истину в своей внутренней природе, в простых и естественных чувствах. В этом контексте детство становится образцом для подражания – временем, когда человек способен воспринимать мир и себя самого без лукавства и лицемерия.

Толстой видит в детстве не только источник нравственной чистоты, но и этап, когда происходит духовное пробуждение. Именно в детстве человек впервые сталкивается с вопросами смысла жизни, добра и зла, справедливости. Эти вопросы закладывают основу для дальнейшего духовного поиска. Взрослый человек, по Толстому, должен сохранять в себе ту же искренность и стремление к истине, которые присущи детям.

Синтез художественных концепций Стерна, Тёпфера, Руссо, Карамзина формирует уникальную атмосферу и своеобразную «поэтическую физиономию» [14, с. 134] толстовской трилогии. Она обогащена открытием самого Толстого – оригинальной нарративной схемой, когда каждый эпизод подан с двойной точки зрения – маленькой Николеньки и уже зрелого рассказчика. Первый фиксирует непосредственные впечатления от события, тогда как второй, глядя из хронологического и психовозрастного отдаления, осмысливает, как оно повлияло на формирование личности.

Список источников и литературы

1. Гриценко И. Д. Из наблюдений над языком повести Л. Н. Толстого «Детство» // Учёные записки Кишиневского университета. 1960. Т. 51. С. 47–55.
2. Громов М. П. Первый роман Льва Толстого. (К истории замысла) // Учёные записки Таганрогского государственного педагогического института. 1956. Вып. 1. С. 131–144.
3. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой : материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М.: АН СССР, 1954. 720 с.
4. Дергунова Н. Г. Проблема нравственного формирования личности в повести Л. Н. Толстого «Детство» // Проблемы взаимодействия духовного и светского образования: История и современность. Н. Новгород: Нижегород. гуманит. центр, 2004. С. 347–353.
5. Кузьмичев И. К. «Детство» и его литературная предыстория. К 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого // Волга. 1978. № 8. С. 171–187.
6. Купреянова Е. Н. Молодой Толстой. Тула: Кн. изд-во, 1956. 216 с.
7. Купреянова Е. Н. Эстетика Л. Н. Толстого. М.; Л.: Наука, 1966. 324 с.
8. Опульская Л. Д. Некоторые вопросы изучения Л. Толстого // Вопросы литературы, 1958. № 9. С. 56–63.
9. Руссо Ж. Ж. Исповедь. М.: Эксмо, 2011. 910 с.
10. Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. М.: Худож. лит., 1978. 672 с.
11. Тёпфер Р. О прекрасном в искусстве. Размышления и заметки женевского художника. СПб.: Огни, 1913. 104 с.
12. Толстой Л. Н. Детство. Отчество. Юность. М.: Альпина Паблишер, 2023. 368 с.
13. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М.: ГИХЛ, 1928–1958.
14. Цирулев А. Ф. Симбиоз «поэтического» и этического начал в автобиографической трилогии Л. Н. Толстого // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 4. С. 132–148.
15. Эйхенбаум Б. М. Молодой Толстой // О литературе. Работы разных лет. М.: Сов. писатель, 1987. 156 с.

References

1. Gritsenko, ID 1960, ‘Iz nablyudeniy nad yazykom povesti L. N. Tolstogo «Detstvo»’ (From observations on the language of Leo Tolstoy’s novella ‘Childhood’), *Uchenyye zapiski Kishinevskogo universiteta* (Scientific Notes of Kishinev University), vol. 51, pp. 47–55. (In Russ.)
2. Gromov, MP 1956, ‘Pervyy roman Lva Tolstogo. (K istorii zamysla)’ (The first novel by Leo Tolstoy. On the history of the idea), *Uchyonyye zapiski Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* (Scientific Notes of the Taganrog State Pedagogical Institute), vol. 1, pp. 131–144. (In Russ.)
3. Gusev, NN 1954, *Lev Nikolayevich Tolstoy. Materialy k biografii. S 1828 po 1855 god* (Lev Nikolayevich Tolstoy. Materials for the biography. From 1828 to 1855), AN SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
4. Dergunova, NG 2004, ‘Problema nrvastvennogo formirovaniya lichnosti v povesti L. N. Tolstogo «Detstvo»’ (The problem of moral formation of personality in L. N. Tolstoy’s novella

- ‘Childhood’), *Problemy vzaimodeystviya duchovnogo i svetskogo obrazovaniya: Istoriya i sovremennoст* (Problems of interaction between spiritual and secular education: History and modernity), Nizhegorod. gumanit. Tsentr publ, N. Novgorod, pp. 347–353. (In Russ.)
5. Kuzmichev, IK 1978, ‘Detstvo’ i yego literaturnaya predistoriya. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya L. N. Tolstogo’ (‘Childhood’ and its literary background. On the 150th anniversary of the birth of Leo Tolstoy), *Volga* (Volga), no. 8, pp. 171–187. (In Russ.)
6. Kupreyanova, EN 1956, *Molodoy Tolstoy* (Young Tolstoy), Kn. izd-vo publ. (In Russ.)
7. Kupreyanova, EN 1966, *Estetika L. N. Tolstogo* (Aesthetics of L. N. Tolstoy), Nauka publ, Moscow, St. Petersburg. (In Russ.)
8. Opulskaya, LD 1958, ‘Nekotoryye voprosy izucheniya L. Tolstogo’ (Some issues of studying L. Tolstoy), *Voprosy literatury*, no. 9, pp. 56–63. (In Russ.)
9. Rousseau, JJ 2011, *Ispoved* (The Confessions), Eksmo publ, Moscow. (In Russ.).
10. Sterne, L 1978, *Zhizn i mneniya Tristrama Shendi, dzhentlmena* (The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman), Khudozh. lit publ, Moscow. (In Russ.)
11. Toepffer, R 1913, *O prekrasnom v iskusstve. Razmyshleniya i zameтки zhenevskogo khudozhitnika* (About the beautiful in art. Reflections and notes by a Geneva artist), Ogni publ, St. Petersburg. (In Russ.)
12. Tolstoy, LN 2023, *Detstvo. Otrechestvo. Yunost* (Childhood. Boyhood. Youth), Alpina Publisher publ, Moscow. (In Russ.)
13. Tolstoy, LN 1928–1958, *Polnoye sobraniye sochineniy v 90 tomakh* (Complete works in 90 volumes), GIKHL publ, Moscow. (In Russ.)
14. Tsirulev, AF 2024, ‘Simbioz «poeticheskogo» i eticheskogo nachal v avtobiograficheskoy trilogii L. N. Tolstogo’ (Symbiosis of the “poetic” and ethical principles in Leo Tolstoy’s autobiographical trilogy), *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* (Philology. Theory & Practice), vol. 17, no. 4, pp. 132–148. (In Russ.)
15. Eykhenbaum, BM 1987, ‘Molodoy Tolstoy’ (Young Tolstoy), *O literature. Raboty raznyh let* (On literature. Works from different years), Sov. pisatel publ, Moscow. (In Russ.)

Вклад авторов:

Романов Д. А. – идея, написание статьи, научное редактирование.

Серёгин Д. С. – сбор материала, обработка материала, написание раздела статьи.

Contribution of the authors:

Dmitry A. Romanov – idea, writing the section of the article, scientific editing.

Dmitry S. Seregin – collecting the material, processing the material, writing the section of the article.

Статья поступила в редакцию: 21.08.2025

Одобрена после рецензирования: 05.11.2025

Принята к публикации: 05.11.2025

The article was submitted: 21.08.2025

Approved after reviewing: 05.11.2025

Accepted for publication: 05.11.2025